

АРХЕОЛОГИЯ

В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова

Уральский федеральный университет
просп. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, РФ
E-mail: fjodor.kovalev@mail.ru;
ZyryanovaS@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ БОБОРЫКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

Рассмотрены дискуссионные вопросы изучения боборыкинской культуры, даны краткий обзор историографии и общая характеристика этого уникального явления в неолите Северной Евразии. Источниковая база исследования боборыкинской культуры включает более 50 памятников, расположенных на территории Зауралья. Отмечено своеобразие боборыкинской культуры, выраженное в технологических и типологических особенностях керамики, не имеющей сходства с неолитическими комплексами Урала. Аналогичная керамика и культовые предметы, а также некоторые особенности технологической традиции керамического производства прослежены в неолитических комплексах Северной Месопотамии. Это позволило сделать вывод о формировании боборыкинской культуры в результате миграции. Основные черты боборыкинской культуры сохранялись практически без изменений почти тысячелетие, и крайне трудно проследить ее внутреннюю динамику, а также какие-либо регулярные контакты с аборигенным населением, что привело к заключению о консервативном характере культуры.

В последние годы на территории Северного Казахстана и Барабинской лесостепи были раскопаны новые памятники (Автодром 2/2, Борлы), находящиеся за пределами основного ареала боборыкинской культуры. Однако эти комплексы имеют существенное типологическое сходство с боборыкинскими древностями. На этом основании можно предположить общность происхождения их населения и связать его с территорией Ближнего Востока, а также установить направление путей миграции. Мигранты занимали свободные участки земли, при этом их поселения располагались рядом с поселениями аборигенов. Мирная колонизация обширной территории привела к дискретному характеру культурогенеза.

Представление о генезисе культуры напрямую связано с пониманием самой культуры. Источником ее интерпретации стали орнаментальные композиции на керамике и культовых предметах. Орнаменты рассматриваются как тексты, дешифровка которых сопряжена с анализом географических условий, формы хозяйства, социальных отношений. Семантика орнаментов боборыкинской культуры раскрывается с помощью контекста, играющего в данном случае большую роль, чем сам текст. Основные темы орнамента отражают представления о воде, дожде, земле, зерне и змеях, вероятно связанные с культом плодородия.

Новые результаты радиоуглеродного анализа боборыкинских древностей подтвердили предложенную авторами ранее датировку культуры в пределах конца V — конца IV тыс. до н.э.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, боборыкинская культура, поздний неолит, миграция, колонизация, гомогенность.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-005-020

Основанием для выделения боборыкинской культуры послужил новый тип керамики необычного для Урала облика, полученный при исследовании поселения Боборыкино II на р. Исеть в Курганской обл. в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. Исследователь дал характеристику новому типу керамики — это преимущественно плоскодонные профилированные сосуды с насечками по краю горла и дна. Нередко плоские днища имели закраины или наплывы у дна. Орнамент наносился инструментом типа палочки или лопаточки с округлым, заостренным или плоским концом различными способами — прочерчиванием, нарезкой, насечками, ямочными вдавлениями и реже — по методу отступающей палочки, но с отрывом от поверхности; какие-либо штампы, в том числе гребенчатый, не использовались. В целом характерен геометрический стиль орнамента. Узор разрежен и занимает верхнюю и придонную части сосуда. К.В. Сальников

отмечал: «орнамент большинства сосудов боборыкинского типа весьма оригинален, благодаря чему эту керамику нельзя смешать ни с какой другой» [1958, с. 20]. Технологические особенности керамики — толстостенность, механическая прочность, коричневый с охристым оттенком цвет. Данная характеристика соответствует описанию керамики конкретного поселения. В дальнейшем, с исследованием новых комплексов, она была дополнена такими признаками, как наличие сосудов с рассеченными валиками на внешней и реже — на внутренней стороне, посуды без орнамента и с орнаментом на внутренней стороне, присутствие наряду с геометрическим орнаментом фигуративных изображений.

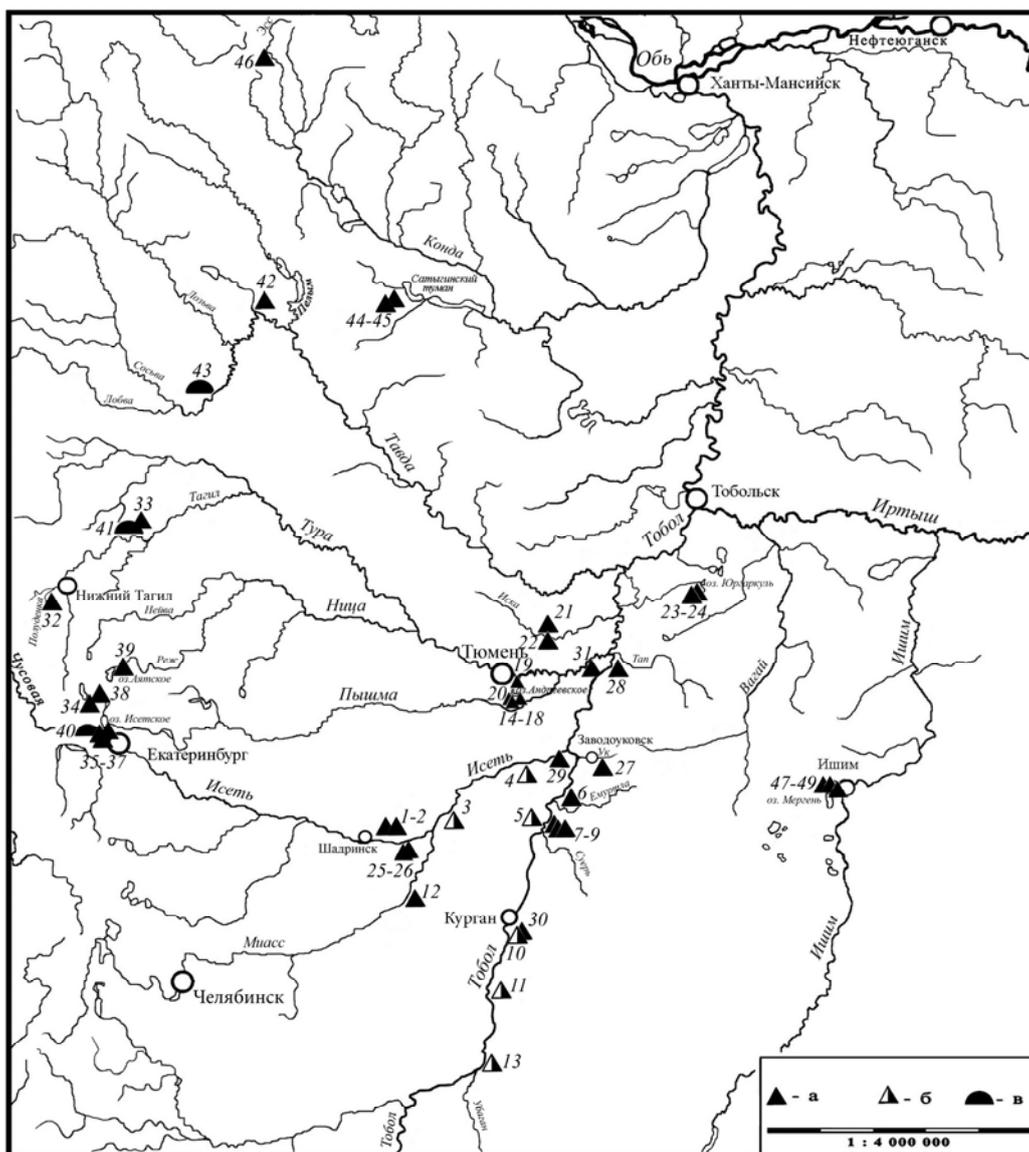

Рис. 1. Карта памятников боборыкинской культуры:

а — поселения, исследованные раскопками; б — поселения, исследованные разведками; в — культовые памятники:
 1 — Боборыкино II; 2 — Боборыкино 8; 3 — Бархатовское; 4 — Ботниковское I; 5 — Губинское; 6 — Ново-Шадрино I;
 7 — Вороний Мыс I; 8, 9 — Усть-Суерское 2, 4; 10 — Лисья гора; 11 — Гляденовская; 12 — Кочегарово I; 13 — Дюна;
 14–20 — ЮАО-V, IX, XII, XIIIА, XV, Карьер II, ЮАО-XVIII («8 пункт»); 21 — Байрык ID; 22 — Байрык VI;
 23, 24 — Юргаркуль III, IV; 25, 26 — Ташково I, III; 27 — Ук-VI; 28 — Юртобор 3; 29 — Двухозерное I; 30 — Пикушка I;
 31 — Чечкино 2; 32 — Полуденка I; 33 — Кокшаровско-Юрынская (торфяниковая); 34 — Шитовской Исток XI;
 35 — Калмацкий Брод; 36 — Макуша III; 37 — Исетское Правобережное I; 38 — Бараний Мыс; 39 — Шайдурихинское V;
 40 — Палатки I; 41 — Кокшаровский холм; 42 — Усть-Вагильский холм; 43 — Махтыльский холм; 44 — Сумпанья IV;
 45 — Сумпанья VI; 46 — Геологическое XVI; 47 — Мергень 3; 48 — Мергень 5; 49 — Мергень 6.

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

Не найдя истоков новому типу керамики в автохтонной нео-энеолитической среде, К.В. Сальников высказал точку зрения о миграции в Зауралье населения из соседних степных районов Южного Урала или Западного Казахстана [1962, с. 28], заложив, таким образом, миграционистское направление в изучении генезиса боборыкинской культуры. Иная точка зрения была высказана Л.Я. Крижевской, по мнению которой боборыкинская культура сформировалась на основе неолита Ишимо-Иртышского бассейна [1977, с. 94].

Понимание любой культуры во многом зависит от выяснения ее генезиса, места и времени существования. Именно эти вопросы стали главными в многолетних дискуссиях по боборыкинской культуре и на данном этапе исследований все еще далеки от убедительных решений.

К настоящему времени раскопками исследовано более 50 памятников боборыкинской культуры (рис. 1). Ее материалы вызывают все больший интерес. Итоги 50-летней истории изучения подведены в ряде обобщающих статей [Ковалева, Зырянова, 1998; Ковалева, 2011], монографическом исследовании [Ковалева, Зырянова, 2010].

Раскопки поселений боборыкинской культуры проводились археологами разных поколений: К.В. Сальниковым, Л.Я. Крижевской, В.Т. Ковалевой, Н.В. Варанкиным, М.Ф. Косаревым, Т.М. Потемкиной, В.Д. Викторовой, Л.П. Хлобыстиным, В.А. Захом, И.Б. Васильевым, А.А. Выборновым, М.П. Вохменцевым, В.Ф. Кернер, С.Н. Паниной, Н.А. Алексашенко, Н.П. Матвеевой, Н.К. Стефановой, Ю.Б. Сериковым, А.Ф. Шориным, В.С. Мосиным, Н.М. Чаиркиной, С.Ф. Кокшаровым, С.Ю. Зыряновой, А.В. Шаманаевым, С.Н. Шиловым, Е.Н. Волковым, С.Н. Скочиной, Е.В. Вилисовым и др.

Все названные исследователи внесли посильный вклад в формирование источниковой базы боборыкинской культуры. Личное участие исследователей в раскопках поселений и обработке материала, особенно керамики, способствовало осознанию и пониманию специфики боборыкинской культуры в свете неолитических культур Северной Евразии.

Наше возвращение к проблемам боборыкинской культуры инициировано открытием новых памятников боборыкинского типа за пределами Зауралья: Борлинского археологического комплекса на северо-востоке Казахстана, в 100 км к юго-востоку от Павлодара, и поселения Автодром 2/2 в северо-западном районе Барабинской лесостепи. В результате исследований под руководством В.К. Мерца была получена неолитическая керамика различных типов, в том числе боборыкинского: сосуды с толстыми и плотными стенками, округлым туловом и отогнутым венчиком с косыми насечками по краю. Орнамент разрежен и выполнен в прочерченной и отступающе-накольчатой технике, присутствуют сосуды с налепными и формованными валиками. В комплексе с данной керамикой найден каменный «утюжок» [Мерц, 2011, с. 182, рис. 1; 2014]. В.В. Бобровым и соавторами было высказано мнение о культурной идентичности материалов поселения Автодром 2/2 памятникам боборыкинской культуры Тоболо-Ишимья и миграции отдельных групп ее населения на восток. Исследователями также отмечено отсутствие каких-либо фактов, свидетельствующих о взаимодействии мигрантов с аборигенами, сохранение гомогенности культуры мигрантов в течение длительного времени [Бобров и др., 2012, с. 9; Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Юракова, 2014, с. 212].

Действительно, керамика Борлинского комплекса и Автодрома 2/2 во многом типологически близка боборыкинской, хотя говорить о их идентичности преждевременно. Появление нового населения со своеобразной керамикой, по всей вероятности, связано с миграцией не из Зауралья или Тоболо-Ишимья, а из районов раннеземледельческих культур древнего Ближнего Востока.

Новые открытия расширили горизонты исследования боборыкинской культуры, однако вопросы ее датировки и генезиса по-прежнему сохраняют актуальность. Стратиграфическая позиция древностей боборыкинского типа, слои которых залегают выше древностей кошкинского типа (ЮАО-XV, Ташково III, Шайдурихинское V), а также серия радиоуглеродных дат позволяют с уверенностью датировать боборыкинскую культуру поздним неолитом (в пределах конца V — конца IV тыс. до н.э.).

Длительное время В.А. Зах настаивал на раннеэнеолитическом возрасте боборыкинской культуры, основываясь на очень ранних радиоуглеродных датах (УПИ-559 — 7701±120 л.н., СОАН-5311 — 9025±70), полученных на многослойном поселении Юртобор III по образцам, взятым из слоя, контактного с материковыми отложениями [2006а, с. 154].

Точку зрения о раннеэнеолитическом возрасте боборыкинской культуры поддержала Л.Л. Косинская, опираясь на те же сомнительные даты с поселения Юртобор III. Исследователь сочла возможным включить боборыкинскую культуру в единый хронологический горизонт с памятниками лесной зоны Восточной Европы с плоскодонной керамикой и прочерченно-накольчатым

орнаментом. Этот горизонт сопоставим с периодом существования верхневолжской и близких ей культур раннего неолита. По мнению Л.Л. Косинской, боборыкинская культура представляет собой лишь один из вариантов целого пучка культурных образований с плоскодонной керамикой в лесных районах Евразии в раннем неолите, а не уникальную культуру [2004, с. 306]. Заметим, что формы сосудов, как и техника орнаментации, верхневолжской и боборыкинской культур совершенно несопоставимы. Уникальность боборыкинской культуры в том, что плоские днища имеют наплыв или валик у дна, аналогов которым нет в лесной зоне Евразии. Ведущее место в технике орнаментации керамики боборыкинского типа занимают узоры, выполненные нарезкой, насечками, ямками, а также наклепными или вытяжными рассеченными валиками. Логично было бы включить в ранне-неолитический горизонт Евразии кошкинскую культуру, для которой характерны прочерченно-накольчатая техника орнаментации, присутствие сосудов с плоским дном, по датировке сопоставимую с верхневолжской культурой.

В настоящее время благодаря усилиям В.С. Мосина удалось получить абсолютную дату по керамике для боборыкинского комплекса поселения Юртобор III: SPb-1275 — 6064±100 л.н. (рубеж V–IV тыс. до н.э. в некалиброванных значениях), которая коррелируется с датами, имеющимися для боборыкинской культуры [Мосин, 2015, с. 190], а также соотносится с датами, полученными для Автодрома 2/2: 5890±470 л.н. [Комарова, 2010, с. 342–343] и SPb-1277 — 5967±100 [Мосин, 2015, с. 112].

На наш взгляд, своевременной оказалась статья В.С. Мосина по хронологии урало-западносибирского неолита. Компактная подача материала позволяет снять многие вопросы, связанные с периодизацией неолитических комплексов, их сосуществованием на каком-то этапе, а также с определением хронологических рамок отдельных культур [Мосин, 2015, с. 191].

В целом проблему датировки боборыкинской культуры можно считать решенной. Многочисленные и долготелые споры по этому вопросу в большинстве случаев носили неконструктивный и надуманный характер. Чего стоили дебаты по поводу соотношения кошкинских и боборыкинских древностей, хотя имелись и надежные стратиграфические данные, и абсолютные даты как для одних, так и для других комплексов.

Нами монографически опубликована практически вся керамика как кошкинского, так и боборыкинского типа, накопленная к началу XXI в. [Ковалева, Зырянова, 2008, 2010]. Получена серия абсолютных дат, позволяющих датировать кошкинскую культуру ранним неолитом, в пределах V тыс. до н.э. (табл. 1), а боборыкинскую — поздним неолитом, в пределах IV тыс. до н.э. (табл. 2).

О хронологическом приоритете керамики кошкинского типа свидетельствуют и стадийные признаки — присутствие сосудов полуяйцевидной формы, прочерченно-накольчатой техники орнаментации, узоров из сочетания прямых и волнистых линий. Для керамики боборыкинского типа характерны сосуды антропоморфной формы, прочерченная, резная, ямочная техника орнаментации, наклепные рассеченные валики, геометрический стиль орнамента, аналоги которым находим в поздне-неолитической керамике халафской культуры Ближнего Востока, Кавказа, Восточного Причерноморья.

Наиболее сложной является проблема поисков «исторической родины» населения боборыкинской культуры. Большинство исследователей связывают генезис культуры с миграцией из районов Приаралья или Северного Прикаспия в связи с регрессией Каспийского моря [Зах, 2006b, с. 20]. Однако генетическое родство с какими-либо конкретными культурными образованиями Юго-Восточной Европы установить не удалось.

Выдвигаемая нами точка зрения о миграции населения из районов раннего земледелия (Передняя Азия, Ближний Восток) вызвала сомнение из-за отсутствия следов миграции. Открытие в Барабинской лесостепи и Казахстане комплексов, типологически близких боборыкинским древностям Среднего Зауралья, трудно объяснить иначе чем общей генетической подосновой. Следует отметить еще один важный факт — наличие в комплексах культовых предметов — «утюжков», которые наряду с керамикой маркируют пути мигрантов на восток и северо-восток.

В археологической литературе проблема миграций остается дискуссионной. Реконструкция миграционных процессов по археологическим источникам осложнена трудностью распознавания миграций, излишней строгостью критериев их выявления. По мнению ряда исследователей, исходный и конечный районы миграции должны быть соединены «цепочкой» или «полоской» памятников, маркирующих следы движения мигрантов. Мигрирующая культура на новом месте должна быть идентичной (копией) культуры на месте ее происхождения и датироваться более

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

поздним временем [Титов, 1982]. При таком подходе доказать наличие миграций на дальние расстояния было практически невозможно. Наше мнение о происхождении боборыкинской культуры в результате миграции из районов Юго-Западной Азии всегда парировалось мэтрами отечественной археологии двумя вопросами: обнаружена ли цепочка памятников между исходной территорией и Средним Зауральем и имеются ли факты, свидетельствующие об идентичности каменных индустрий населения боборыкинской культуры и неолитических культур Северной Месопотамии.

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования комплексов кошкинской культуры

Памятник	Лабораторный индекс	Возраст		Материал образца
		ВР	ВС	
Ташково III	ЛЕ-4344	6380±120	5330±260 ВС	Уголь
»	Ki-15117	6470±90	1σ 5490–5320 ВС 2σ 5620–5290 ВС	Керамика
Кокшаровско-Юрьинская	ЛЕ-2060	6470±80	5330±60 ВС	Дерево
Исток IV	ЛЕ-2998	6620±260	5800–5300 ВС	Уголь
Шайдурихинское V, образец 2	Ki-15643	5850±80	1σ 4800–4600 ВС 2σ 4860–4490 ВС	Керамика
Шайдурихинское V, образец 1	Ki-15642	5910±90	1σ 4860–4680 ВС 2σ 5000–4540 ВС	»
Шайдурихинское V	Ле-10064	6790±160	6050–5450 ВС	Уголь
Кокшаровский холм	Ki-15535	5960±80	1σ 4960–4770 ВС 2σ 5060–4670 ВС	Керамика
»	Ki-16386: образец А*	7610±80	1σ 6530–6380 2σ 6610–6330	»
»	Ki-16424: образец Б*	6830±90	1σ 5800–5630 2σ 5900–5600	»
»	Ki-15915	7010±80	1σ 5930–5800 2σ 6020–5720	»

* Даты под номерами Ki-16386 и Ki-16424 получены по двум фрагментам (образцы А и Б) одного сосуда.

Л.С. Клейн в числе факторов, порождающих трудности миграционных интерпретаций, назвал неидентичность состава исходной и мигрирующей культур. Как правило, миграцией охватывается не вся исходная популяция, но лишь ее небольшая часть. Мигрирующая популяция разбивается на ряд изолятов, в которых накапливаются культурные отличия, затрудняющие идентификацию с исходной культурой [Клейн, 1999, с. 52–57].

В настоящее время исследователи сосредоточили внимание на методологической проблеме: как миграции отражаются в археологическом материале. При реконструкции миграционных процессов необходимо использовать определенные группы археологических источников (типов артефактов), являющихся материальным выражением «духовного производства»: предметы искусства, орнаменты на посуде и орудиях труда, элементы архитектуры и т.д. Выделяемые на основании сходства этих типов культурные зоны в наибольшей мере соответствуют этническим общностям. Передвижение культурных зон во времени и пространстве, скорее всего, отражает миграцию населения [Долуханов, 1978, с. 39].

По-видимому, продвижение части населения из районов Юго-Западной Азии происходило разными путями, один из которых пролегал через Среднюю Азию и Казахстан, а другой — через Кавказ, северо-восточное Причерноморье, Приуралье.

Миграция населения в Зауралье, по всей вероятности, связана с демографической ситуацией, вызванной развитием производящих форм экономики в районах раннего земледелия. В настоящее время получен значительный информативный материал, позволяющий связать истоки боборыкинской культуры с хассунской и, в большей степени, с халафской культурой Северной Месопотамии.

Одним из первых проблему миграции населения с Кавказа на территорию Северо-Восточного Причерноморья и Приазовья рассмотрел В.Н. Даниленко. Исследователь обратил внимание на присутствие в поздненеолитических слоях приазовской культуры — поселения у Каменной Могилы в Среднем Приазовье и Ракушечного Яра на Нижнем Дону — особого типа широкооткрытых плоскодонных банкообразных сосудов без примеси ракушки в глине, которым сопут-

ствовали геометрические микролиты — трапеции [Даниленко, 1969, с. 13, 18]. В.Н. Даниленко справедливо отметил вторичность этого типа керамики для Кавказа, поскольку древнейшей в этом регионе была лощеная круглодонная посуда. Памятники типа Анасеули в Закавказье, Нижнешилловской, Кистрика в пограничье Грузии и приморской части Северного Кавказа фиксируют как этапы, так и направление расселения в Восточную Европу какой-то части населения древнего Закавказья [Даниленко, 1969, с. 18].

Таблица 2

Результаты радиоуглеродного датирования комплексов боборыкинской культуры

Памятник	Лабораторный индекс	Возраст		Материал образца
		BP	BC	
Ташково III	Ki-15118	5180±90	1σ 4050–3930 2σ 4250–3770	Керамика
Ташково I	ЛЕ-1535	5490±60	4460–4230	Уголь
Шайдурихинское V, жилище 3	Ki-15121	5590±80	1σ 4500–4340 2σ 4620–4320	Керамика
Шайдурихинское V, жилище 2, образец 2	Ki-15077	5640±80	1σ 4550–4360 2σ 4690–4330	»
Шайдурихинское V, жилище 2, образец 1	Ki-15120	5680±80	1σ 4620–4440 2σ 4710–4350	»
Шайдурихинское V, жилище 1	Ki-15119	5710±90	1σ 4690–4450 2σ 4730–4350	»
Шайдурихинское V	SPb-1039	6000±150	5231–4550	»
Палатки I	SPb-1037	5825±150	1σ 4911–4460 2σ 5219–4327	»
»	SPb-1038	6322±150	1σ 5479–5055 2σ 5633–4826	»
Геологическое XVI	ЛЕ-6995	5440±60	4400–4220	Уголь
Кокшаровский холм	Ki-15589	5670±90	1σ 4620–4440, 4430–4360 2σ 4720–4340	Керамика
»	Ki-15538	5750±80	1σ 4690–4490 2σ 4790–4440	»
»	Ki-15906	5890±90	1σ 4910–4870, 4860–4670, 4640–4610 2σ 4960–4520	»
»	Ki-16038	5950±90	1σ 4950–4710 2σ 5100–4550	»
Усть-Вагильский холм	Ki-15592	5120±80	1σ 3990–3790 2σ 4050–3700	»
»	Ki-15546	5260±80	1σ 4170–3980 2σ 4260–3940	»
»	Ki-15545	5330±90	1σ 4250–4040 2σ 4340–3970	»
Кочегарово 1	Ki-15542	5270±80	1σ 4230–4190, 4170–3980 2σ 4260–3950	»
»	Ki-16647	5920±90	4940–4700	»
Ук VI	Ki-15063	5960±80	1σ 4940–4770 2σ 5060–4670	»
Второй поселок I (образец 2)	Ki-16861	5930±90	4940–4710	»
Второй поселок I (образец 1)	Ki-16862	6210±90	5300–5050	»
Юртобор 3	SPb-1275	6064±100		»

Следует принять во внимание территориальную близость Закавказья, Передней Азии и Ближнего Востока. Ю.В. Павленко, опираясь на выводы лингвистов о наличии в общеиндоевропейском языке широкого слоя северокавказской хозяйственно-культурной лексики, соотнес население, оставившее плоскодонную керамику кавказского типа, с представителями анатолийско-северокавказской общности (протохатто-хурриты), проникшими в неолите на территорию Восточного Причерноморья и Приазовья [2000, с. 43–44].

На многослойном поселении Ракушечный Яр (нижнее течение р. Дон) выявлены слои раннего, среднего и позднего этапов ракушечной неолитической культуры. В слоях среднего

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

этапа (верхняя часть VI слоя — V–IV слои) найдена керамика, сопоставимая как с боборыкинской, так и с кавказской — Анасеули II. Это сосуды, орнаментированные «зигзагами из нарезок», ямочными наколами в сочетании с резной и прочерченной техникой [Белановская, 1995, с. 112–113, рис. XXII; с. 114, рис. XXIII]. В нижней части VI слоя найден обломок «утюжка» из аргеллита с параллельными нарезками [Белановская, Телегин 1996, с. 59]. Для V слоя Ракушечного Яра получена дата 5890 ± 105 л.н. (Ки-995) [Белановская, Телегин, 1996, с. 62].

Присутствие на поселении Ракушечный Яр керамики, во многом близкой Анасеули II, вероятно, свидетельствует о направлении миграции с Кавказа. Т.Д. Белановская допускает кавказские влияния в ракушечной культуре [Белановская, Тимофеев, 2003, с. 19].

Миграция в Зауралье, вероятно, проходила не одновременно, различными по численности, скорее всего, родственными коллективами. Мигранты адаптировались к новым условиям, базируя свое хозяйство на рыболовстве и охоте. Между мигрантами, по-видимому, поддерживались какие-то контакты, в то же время следы взаимодействия с аборигенами практически отсутствуют. Топография памятников боборыкинского типа позволяет сделать вывод о расположении их чересполосно, по соседству с населением аборигенов с гребенчатой керамикой. Факты свидетельствуют о сохранении гомогенности мигрирующей культуры и позволяют утверждать, что в боборыкинской культуре отсутствуют синкретичные комплексы. Материальная культура отдельных поселений боборыкинского типа иногда значительно различается, но всегда остается узнаваемой.

Обширная территория Среднего Зауралья характеризуется разными природно-климатическими зонами, сырьевыми ресурсами, что наряду с изолированностью отдельных коллективов и некоторой изначальной разницей в материальной культуре мигрантов совершенно естественно привело к некоторым различиям поселенческих комплексов боборыкинской культуры, но данные различия не меняют характера культуры, сохранившей единую религиозно-мифологическую основу. Это одна культура, а набор признаков, присущих комплексам отдельных поселений, не всегда идентичен и зависит от ценностных предпочтений отдельных социумов.

Специфику боборыкинской культуры определяют признаки керамики, не имеющие аналогов в неолите Северной Евразии. Эти отличия — технологические. Для изготовления керамики население боборыкинской культуры использовало различные рецепты формовочных масс. Экспериментальными исследованиями боборыкинской керамики, проведенными Н.В. Варанкиным под руководством А.А. Бобринского, Ю.Б. Цетлина, установлено использование навоза копытных животных (лося?) в качестве искусственной добавки к глиняному тесту. Традиция использования навоза крупных копытных животных при изготовлении керамики зафиксирована у населения Северной Месопотамии [Бобринский, 1989; Петрова, 2012, с. 29–31]. Религиозно-мифологические воззрения древнего населения Ближнего Востока включали представления о сакральном характере экскрементов божества или животных, принесенных в жертву божеству [Элиаде, 2009, с. 52].

Большая часть керамики боборыкинского типа отличается толстостенностью (0,9–1,2 см), механической прочностью. При использовании навоза в качестве примеси к глиняному тесту керамика приобретала камнеподобное состояние. Цвет черепков — коричневато-охристый («рыжие», по выражению К.В. Сальникова). Возможно, охрой или охристо-глинистым раствором покрывался весь сосуд. Следы покрытия стенок сосуда охрой зафиксированы на поселениях ЮАО-XII, Шайдурихинское V, а также Усть-Вагильском холме. Практически все исследованные сосуды с Телль Сотто, Кюльтепе (Северная Месопотамия) имели на поверхности остатки охры разного качества — охристая глина или смесь охры с глиной обычно наносилась после обжига [Бобринский, 1989].

Керамика боборыкинского типа разнообразна по форме: преобладают плоскодонные горшки с округлыми боками и отогнутой шейкой. Единично встречаются сосуды с округлым и приостренным дном. Часть плоскодонных сосудов имеют наплыв или валик у дна (рис. 2, 1, 2, 5). Для керамики боборыкинского типа характерно проявление антропоморфизма — уподобление формы сосуда человеческому телу (рис. 2, 2, 5). На Древнем Востоке было распространено представление о создании людей из глины. Глина — часть земли, а земля уподоблялась женщине, потому и посуда моделировалась как тело женщины. Сосуды антропоморфной формы известны в Передней Азии (Хаджилар), Северной Месопотамии (халафская культура) [Антонова, 1984, с. 128], Центральном Закавказье (Имирис-гора, Шулаверис-гора) [Мунчаев, 1982, с. 110–113, табл. XXXVII, 6; Кушнарева, 1993, с. 31–32, рис. 7, 25; 12, 39].

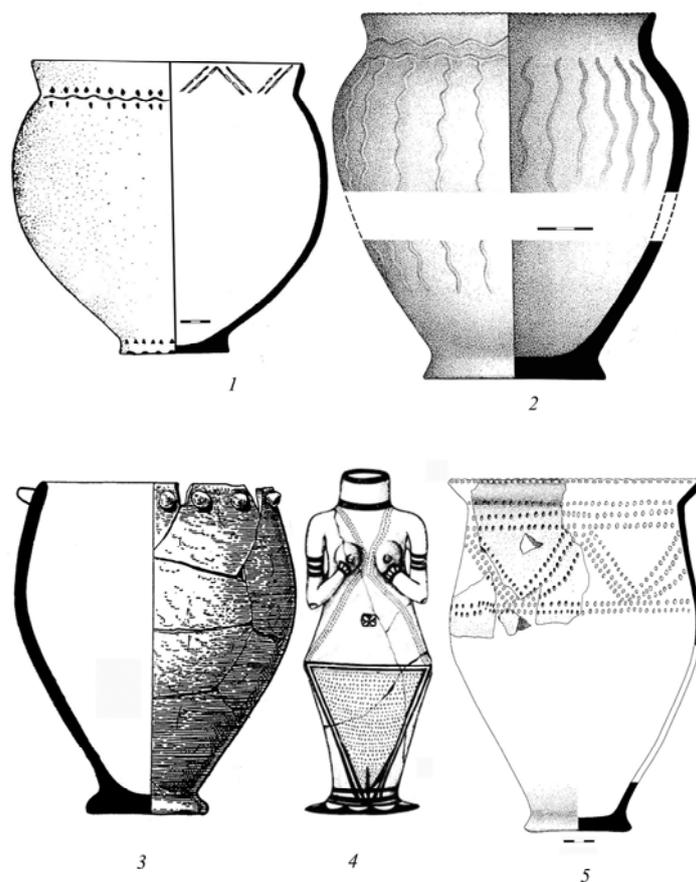

Рис. 2. Сосуды антропоморфной формы:

Боборыкинская культура: 1 — Байрык IД (по М.Ф. Косареву); 2 — Палатки I (по В.Д. Викторовой);
5 — Шайдурихинское V (по С.Ю. Зыряновой). Кавказ и Ближний Восток: 3 — Шулаверисгора (по Р.М. Мунчаеву);
4 — Ярым-тепе II — халафская культура (по Р.М. Мунчаеву).

В Синджарской долине (Северо-Западный Ирак), на поселении Ярым-тепе II позднего этапа халафской культуры (середина V тыс. до н.э.), найден глиняный сосуд — полный флакон в виде фигуры молодой женщины, поддерживающей руками свои груди (рис. 2, 4). Эта находка позволила нам понять назначение напылов (придонных валиков, поддонов) у дна сосудов боборыкинской культуры: они в обобщенной форме передавали ноги антропоморфного существа. На поселении Шайдурихинское V (Свердловская обл.) обнаружен тонкостенный сосуд удлиненной пропорции с придонным валиком (рис. 2, 5), по форме сопоставимый с флаконом из Ярым-тепе II, а также с сосудами из неолитических комплексов Кавказа (рис. 2, 3).

Население боборыкинской культуры использовало различные приемы орнаментации керамики. Наиболее распространенным был прочерченный, нарезной, ямочный (вдавленный) орнаменты (рис. 3). Прием «отступающей палочки» имел особенности: наколы не «скоростные» (без отрыва от поверхности), а поставленные раздельно. Штампованный орнамент не использовался. В качестве инструментов (орнаментиров) могли применяться стержни (резцы) из кости, рога, камня с различной формой торца — плоской, округлой, приостренной. Прототипом таких инструментов, по всей вероятности, были орудия для обработки земли (палки-копалки, мотыги). Часть керамики боборыкинского типа орнаментирована рельефными валиками с насечками или ямочными вдавлениями на спинке — рассеченными валиками (рис. 3, 6; 4, 3). Они выполнялись путем вытягивания или налепа глиняных жгутиков на поверхность сосуда. Налепные валики крепились в специально сформованную канавку, которая прослеживается при частичном выпадении валика. На вновь открытом поселении Борлы в Северо-Восточном Казахстане в комплек-

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

се с керамикой боборыкинского типа присутствуют и сосуды с рассеченными валиками [Мерц, 2014, с. 297, рис. 1, 1–5].

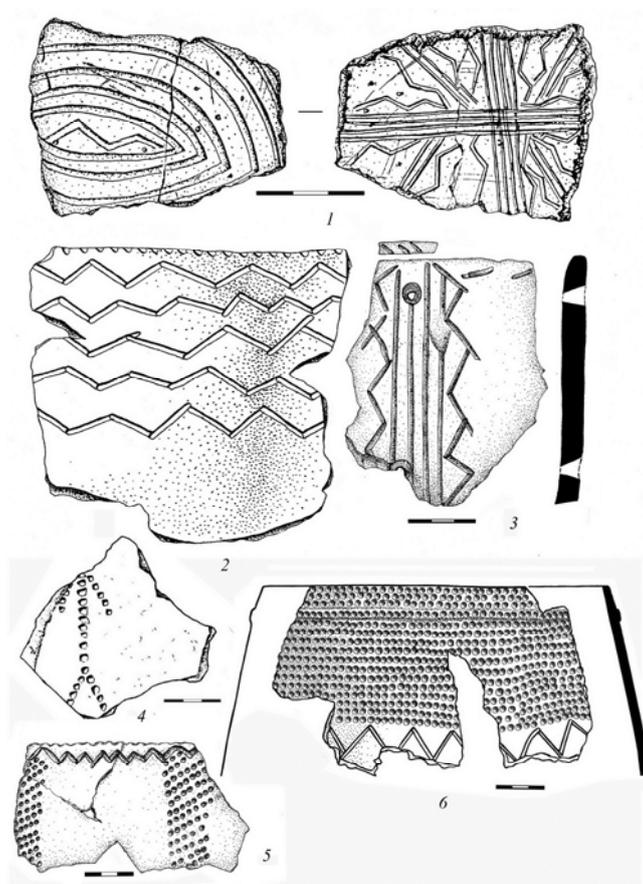

Рис. 3. Керамика боборыкинского типа:

1 — Кокшаровско-Юрьинская (торфяниковая) (по Ю.Б. Серикову); 2 — Андреевское озеро (по В.Т. Ковалевой); 3 — Ук-VI (И.Б. Васильеву, А.А. Выборнову); 4 — ЮАО-XII (по В.Т. Ковалевой); 5 — Боборыкино II (по К.В. Сальникову); 6 — Палатки I (по В.Д. Викторовой).

Основу орнамента керамики боборыкинского типа составляют мотивы геометрической формы, сочетание горизонтальной и вертикальной зональности, разнообразие мотивов и композиций. Наиболее распространенными являются мотивы из горизонтальных и вертикальных зигзагов (рис. 3, 2, 3, 6), прямых и волнистых линий (рис. 2, 2), ромбов и ромбической сетки (рис. 4, 2), древовидные мотивы (рис. 4, 7). Доминирующую роль в орнаментации боборыкинской керамики играли мотивы из неполных равнобедренных треугольников или углов, обращенных вершиной вниз (рис. 2, 5; 4, 1, 7). Достаточно редкими можно назвать фигуры овальной и подпрямоугольной формы (рис. 3, 1, 5). Единичны фигуративные изображения (рис. 3, 4).

Уникальным является изображение антропоморфа на внешней стороне дна сосуда (рис. 4, 5). Образ антропоморфа явно соотносится с деревом — ноги ассоциируются с корнями, руки — с ветвями, а голова — с вершиной дерева. В правой руке антропоморфа, по всей вероятности, изображено какое-то орудие (молот, топор, дубина). Зигзаг в левой руке — атрибут, символический предмет, может обозначать молнию.

У населения раннеземледельческих обществ древней Анатолии и Ближнего Востока сосуды с изображением антропоморфов соотносились с образами богов. Интерпретация антропоморфа на днище боборыкинского сосуда была дана нами ранее [Ковалева, Зырянова, 2009; Ковалева, Солдаткин, 2010]. Бог Грозы у населения Ближнего Востока в неолитическую эпоху был связан прежде всего с землей [Голан, 1993, с. 58–59]. Изображение антропоморфа на внешней стороне дна бобо-

рыкинского сосуда, скорее всего, символизирует его связь с землей и земным пространством. Основная функция бога Грозы — обеспечить плодородие земли.

Другой реалистический персонаж — змея. На внутренней стороне стенки сосуда изображена змея, поднимающаяся к устью сосуда (рис. 4, 2). Змея у населения боборыкинской культуры выступала в качестве космогонического символа, связанного с творением мира, пространства и жизни (рис. 3, 1). Своеобразна композиция на фрагменте сосуда с поселения ЮАО-XIIIА — змея изображена в рамке подтреугольной формы (рис. 4, 4). Композиция, возможно, передает символическую связь земли и змеи.

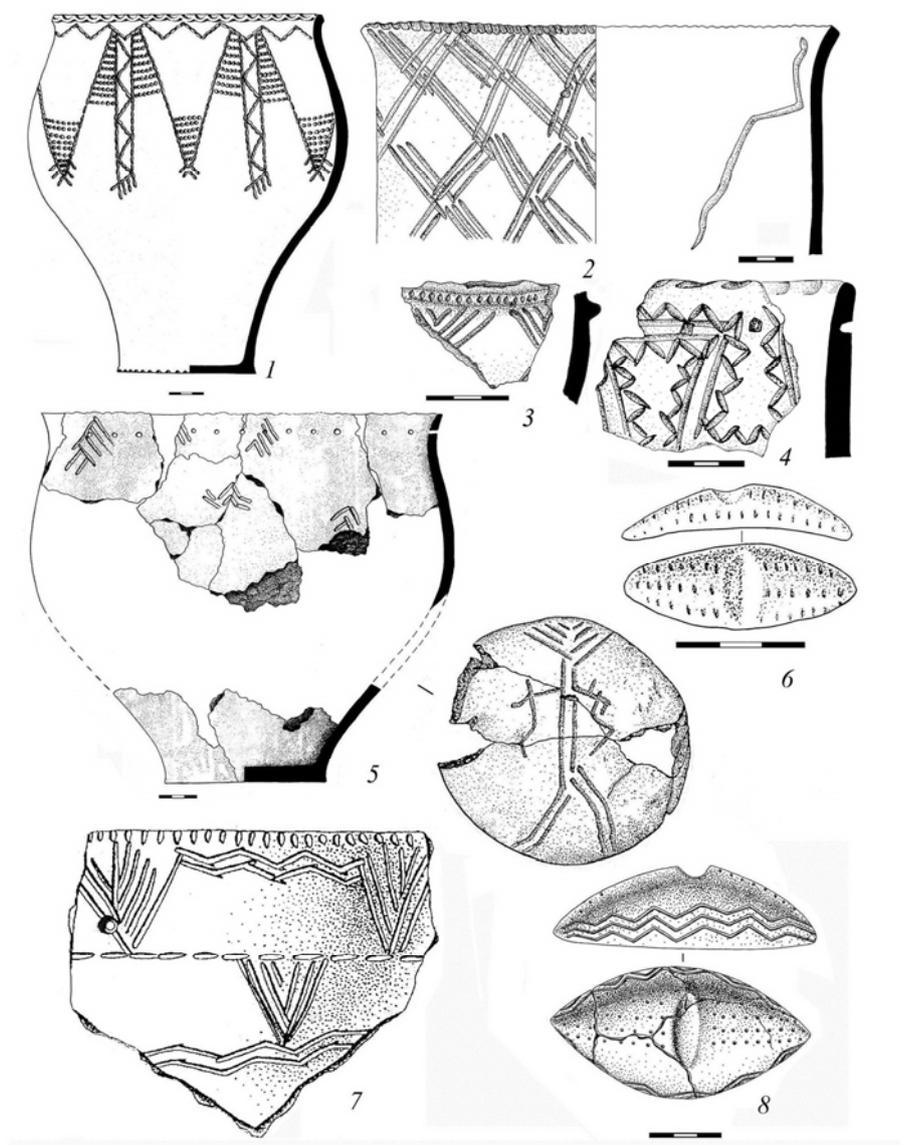

Рис. 4. Керамика боборыкинского типа и «утюжки»: 1 — Ташково I; 2, 4 — XIIIА; 3 — Шайдурихинское V; 5 — Пикушка I (по С.Н. Шилову и др.); 6 — Палатки I (по В.Д. Викторовой); 7, 8 — ЮАО-XII.

В орнаментации керамики боборыкинского типа значительное место занимают узоры из неглубоких ямочных (точечных) наколов. Точечные углубления известны на статуэтках хассунской, халафской, трипольской культур. Известно, что в глину при их изготовлении добавляли зерна злаков, которые, выгорая, оставляли точечные углубления [Голан, 1993, с. 16]. Точечный орнамент, по всей вероятности, имитировал отпечатки зерен, служил для обозначения зерна.

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

Приуроченность большинства ямочных мотивов к верхней части сосудов, их сочетание с горизонтальным зигзагом по шейке, венцом полуovalов или вытянутых треугольников, направленных вершиной вниз, могут свидетельствовать о семантической связи зерновых культур с небесной сферой и их сакральности (рис. 3, 5, 6). Сосуды, сплошь орнаментированные ямочными вдавлениями, могли символизировать емкости, полные пищи,— неперенный элемент всех календарных праздников, как знак благополучия. У населения боборыкинской культуры треугольник с вершиной вниз использовался для обозначения дождя и дождевого облака, земли, женского начала, женской груди. На сосуде с поселения Шайдурихинское V таким треугольником, выполненным ямочными наколами, могла быть обозначена грудь (рис. 2, 5). В этом случае мы можем говорить о семантическом сближении зерна, молока, женщины как плодоносящего начала.

На поселениях и культовых памятниках боборыкинской культуры найдены изделия из глины или мягких пород камня, получившие условное название «утюжков». Они овально-ромбической формы, с плоским основанием, выпуклой полусферической поверхностью и поперечным желобком (реже — двумя, тремя желобками). Проблема функции «утюжков» нами была рассмотрена неоднократно [Ковалева, Зырянова, 2007, с. 97–100; 2011, с. 153–154].

На наш взгляд, «утюжки» — культовые предметы, образ горы, земли. По всей вероятности, они впервые появились на древнем Ближнем Востоке в переходный период от мезолита к неолиту, в среде древнейших земледельцев, широко освоивших новый материал — глину. Большая часть «утюжков» боборыкинской культуры изготовлены из глины. Форма изделий — овально-ромбическая. Ромб в древней орнаментике — символ земли [Голан, 1993, с. 86]. В профильной проекции «утюжки» имеют подтреугольную форму и ассоциируются с холмом или горой.

С освоением земледелия человек стал проявлять повышенный интерес к земле, рассматривая ее как важнейший компонент мироздания. Желобок, возможно, символизировал разлом в горе для высвобождения скрытых в ней богатств [Ковалева, Шилов, 2002, с. 122–126]. Основные орнаментальные мотивы на сосудах боборыкинского типа повторяются и на «утюжках».

В целом знаковая система населения боборыкинской культуры является частью той культурной традиции, которая сложилась у населения ранних земледельческих культур.

Основные признаки боборыкинской культуры носили предельно устойчивый и консервативный характер и сохранялись в течение нескольких столетий. Чтобы понять причины и механизмы воспроизводства культуры, необходимо обратиться к характеристике природной и социальной среды, в которой сформировалось субстратное ядро культуры. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет связать генезис боборыкинской культуры с миграцией населения из района раннеземледельческих культур Ближнего Востока. Уже в IX–VIII тыс. до. н.э. охотники и собиратели этого региона перешли к оседлому образу жизни и примитивному земледелию. Небольшие, по всей вероятности, родственные коллективы обрабатывали свой участок земли и обеспечивали свое существование. Экономисты называют такой тип бытия «натурально-замкнутым хозяйством».

Внедрение злаковых культур (ячмень, пшеница) сопровождалось распространением специфических религиозных идей, мифов, ритуалов. Человек отождествлял себя и свою жизнь с законами циклического «возвращения на круги своя» [Каган, 1996, с. 342]. Культура приобретала черты традиционности. Человек замыкался в собственном мире, находился во власти циклического восприятия времени и бытия. Даже дальние миграции и адаптация к новым условиям, по всей вероятности, не привели к каким-либо существенным изменениям в образе жизни и представлении о мире. Жизнь общества программировали природные циклы. Обрядовая практика (ритуалы) обеспечивали устойчивое состояние социумов.

Проблема культурогенеза может быть рассмотрена с разных теоретических позиций. Чаще всего археологи пытаются реконструировать исторический процесс с позиции эволюционно-исторического направления, когда новая культура или стадия культуры рассматриваются преимущественно по отношению к предшествующей стадии. При решении вопросов культурогенеза необходимо учитывать роль природной среды, трансформацию хозяйственной деятельности, контакты с населением других культурных образований.

Достаточно широкое распространение в последние годы получила модель культурогенеза, основанная на контактах населения с различными культурными традициями, в результате смешения которых формируются новые, гетерогенные по характеру культуры. Однако этот вывод

должен базироваться не на присутствии в комплексах находок разных культур, а на наличии «метисных» изделий и технологий, что в реалиях наблюдается довольно редко. Обоснованная критика этой модели дана А.Н. Сорокиным [2007].

По-видимому, мы фиксируем сообщество (социум), которое развивалось по иной модели. Мирная колонизация обширной территории привела к дискретному характеру культурогенеза. Этим можно объяснить отсутствие какого-либо явно выраженного ядра культуры и типологическое разнообразие боборыкинских комплексов. Население боборыкинской культуры освоило новые формы жизнеобеспечения, практически не вступая в контакты с аборигенами и сохранив основные черты культуры, сложившиеся на «этнической родине», связь с которой была утрачена навсегда. Такая модель культурогенеза не является исключительной. На территории Минусинской котловины афанасьевские и окуневские памятники на определенном этапе синхронны. Население афанасьевской культуры — мигранты из Восточной Европы — были изоляционистами, они сохранили в чистоте антропологический тип, характерный для ямных племен, а окуневская культура вобрала в себя разнообразные элементы, как принесенные с запада, так и сибирские [Подольский, 2007, с. 115].

В заключение отметим следующее. Точка зрения о поздненеолитическом возрасте боборыкинской культуры была высказана В.Т. Ковалевой и Н.В. Варанкиным 30 лет назад. Новые исследования и серия радиоуглеродных дат подтвердили это мнение. На наш взгляд, при наличии различных методов датирования в археологии наиболее надежным был и остается стратиграфический.

В настоящее время все большее число исследователей склоняются к мнению о формировании боборыкинской культуры в результате миграции, но остается вопрос — откуда. Поиски оптимальной интерпретации боборыкинской культуры привели нас к необходимости анализа орнаментов на керамике как текста, имеющего определенное смысловое значение. Однако смысл отдельных орнаментальных мотивов и композиций удалось «прочитать» с помощью широкого внешнего, но конкретного контекста. Знаковая система населения боборыкинской культуры является частью культурной традиции, сложившейся у населения раннеземледельческих культур Юго-Западной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: (Опыт реконструкции мировосприятия). М.: Наука, 1984. 262 с.
- Белановская Т.Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.: СПбГУ, 1995. 199 с.
- Белановская Т.Д., Телегин Д.Я.* Неолит северо-восточного Приазовья и Подонья // Археология. Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 58–65.
- Белановская Т. Д., Тимофеев В.И.* Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблема неолитизации Восточной Европы // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы: (Новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 14–21.
- Бобринский А.А.* Технологическая характеристика керамики из Телль Сотто и Кюльтепе // Н.О. Бадер. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989. С. 327–334.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.* Боборыкинский комплекс из Барабы: Проблема исторической интерпретации // Вестн. ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 211–215.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.* Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 4–13.
- Бобров В.В., Юракова А.Ю.* Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 211–214.
- Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 376 с.
- Даниленко В.Н.* Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969. 238 с.
- Долуханов П.М.* Истоки миграций: (Моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным) // Проблемы археологии. Л.: Наука, 1978. С. 38–43.
- Зах В.А.* Неолитические культуры лесного Тоболо-Ишимья: Периодизация и хронология // II Сев. археол. конгресс: Доклады 24–30 сент. 2006 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006а. С. 138–162.
- Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006b. 54 с.
- Каган М.С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с.
- Клейн Л.С.* Миграция: Археологические признаки // Stratum plus: Археология и культурная антропология. Кишинев: Высш. антропол. шк., 1999. № 1. С. 52–71.

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

- Ковалева В.Т.* Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 27–39.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 162–183.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* К дискуссии о функции «утюжков» // XVII Урал. археол. совещ.: Материалы науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 97–101.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 73–113.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Бог грозы — «зеленая макушка» // Урал в зеркале тысячелетий. Екатеринбург: БКИ, 2009. Кн. 2. С. 5–12.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. кн., 2010. 308 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолитические «утюжки» Евразии: Проблема генезиса и функции // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. I. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. С. 153–154.
- Ковалева В.Т., Солдаткин Н.В.* «Высекающий молнию»: К истокам ведийского бога Индры // IMAGINES MUNDI: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. Вып. 4. С. 11–18.
- Ковалева В.Т., Шилов С.Н.* Прообраз Индры: Об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. Вып. 24. С. 119–126.
- Комарова Я.М.* Применение метода термостимулированной люминесценции (ТСЛ) для датирования археологической керамики // ВНКФС-16: Шестнадцатая Всерос. науч. конф. студентов-физиков и молодых ученых, г. Волгоград, 22–29 апр. 2010 г.: Материалы конф., информ. бюл. Т. 1. Екатеринбург; Волгоград: Изд-во АСФ России, 2010. С. 342–343.
- Косинская Л.Л.* Проблемы хронологии западносибирского неолита: (К вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: (Хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 301–307.
- Крижевская Л.Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 129 с.
- Кушнарёва К.Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э.: (Этапы культурного и социально-экономического развития). СПб: Петербур. Востоковедение, 1993. 312 с.
- Мерц В.К.* Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана // Археология Казахстана в эпоху независимости: Итоги, перспективы: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Респ. Казахстан и 20-летию ИА им. А.Х. Маргулана. Алматы: КН МОН РК, 2011. Т. 1. С. 178–186.
- Мерц В.К.* Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 297–301.
- Мосин В.С.* Хронология и периодизация неолита Зауралья: Новые данные // Неолитические культуры Восточной Европы: Хронология, палеоэкология, традиции. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 189–192.
- Мосин В.С.* Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: Новейшие исследования и периодизация // Вестн. КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 108–113.
- Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 93–164.
- Павленко Ю.В.* Праславяне и арии: Древнейшая история индоевропейских племен. Киев: Феникс, 2000. 371 с.
- Петрова Н.Ю.* Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярымтепе I // РА. 2012. № 2. С. 26–33.
- Подольский М.Л.* Феномен и парадоксы Минусинской степи: (Смена культурных доминант) // Культурно-экологические общности: Взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 113–128.
- Сальников К.В.* Отчет об археологических исследованиях Южно-Уральской экспедиции 1958 г. УрГУ // Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. Свердловск, 1958. Ф. II. Д. 8.
- Сальников К.В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Уфа, 1962. Т. 1. С. 16–57.
- Сорокин А.Н.* Природные процессы и их роль в культурогенезе // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): Материалы науч. конф., посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино, 5–10 авг. 2006 г.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 34–41.
- Титов В.С.* К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 89–92.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академ. Проект, 2009. 622 с.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE BOBORYKINO CULTURE IN THE MIDDLE TRANS-URALS IN THE CONTEXT OF THE LATEST DISCOVERIES

The article deals with debating questions regarding research of the Boborykino archaeological culture. It gives a brief overview of historiography and characteristics of a unique Neolithic phenomenon of North Eurasia. The basis of sources for research of the Boborykino culture consists of more than 50 settlements in the Middle Trans-Urals. The paper emphasizes originalities of the Boborykino culture in pottery technology and typology. Boborykino pottery differs from other Neolithic Ural complexes. Similar pottery and objects for worship, as well as some peculiarities in ceramic production technology, have been found in Neolithic complexes of North Mesopotamia. Therefore, we may conclude that the formation of the Boborykino culture is the result of migration. The main features of the Boborykino culture remained almost untouched for more than one thousand years. It is extremely difficult to trace the internal dynamics of the Boborykino culture and its contacts with indigenous population. All this leads to the conclusion that the Boborykino culture is conservative by nature.

Over the last years new data were excavated in North Kazakhstan and Baraba forest-steppe region (Autodrome 2/2, Borly). New settlements are located outside of the main Boborykino cultural area. However, their material culture has significant typological similarity with the sites of the main Boborykino culture area. That is why we can assume that their populations have common origin from the Near East and we can determine the direction of migration paths. Migrants occupied vacant lands between indigenous settlements. Peaceful colonization of vast territories led to the discrete nature of cultural genesis.

The idea of the genesis of culture is connected to the understanding of culture. Ornamental compositions of ceramics and objects for worship become a source of interpretation of the Boborykino culture. The ornaments are treated as texts. Transcript of the ornaments is based on the analysis of geographical conditions, form of economy, social relations. The semantics of ornaments is revealed by the context. In this case, it is more important than the text. The main topics of the ornament reflect the ideas of water, rain, earth, grain and serpents, and give ground to associate them with the cult of fertility.

New results of carbon analysis of Boborykino antiquities confirmed the proposed earlier dating of the culture within the end of the V — the end of the IV millennium BC.

Key words: Middle Trans-Urals, Boborykino culture, late Neolithic, migration, colonization, homogeneity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-005-020

REFERENCES

- Antonova E.V., 1984. *Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'tsev Perednei i Srednei Azii: (Opyt rekonstruktsii mirovospriiatiia)* [Essays on the culture of ancient farmers of the near East and Central Asia: (An attempt to reconstruct world perception)], Moscow: Nauka, 262 p.
- Belanovskaia T.D., 1995. *Iz drevneishogo proshlogo Nizhnego Podon'ia: Poselenie vremeni neolita i eneolita Rakushechnyi Iar* [From the ancient past of the Lower Don region: Neolithic and Eneolithic settlement Rakushechny Yar], St. Petersburg: SPbGU, 199 p.
- Belanovskaia T.D., Telegin D.Ia., 1996. Neolit severo-vostochnogo Priazov'ia i Podon'ia [The Neolithic Age in the North-Eastern Azov and the Don region]. *Arkheologiya. Neolit Severnoi Evrazii*, Moscow: Nauka, pp. 58–65.
- Belanovskaia T.D., Timofeev V.I., 2003. Mnogosloinoe poselenie Rakushechnyi Iar (Nizhnee Podon'e) i problema neolitizatsii Vostochnoi Evropy [Multilayer settlement Rakushechny Yar (Lower Don region) and the problem of neolitization of Eastern Europe]. *Neolit-eneolit Iuga i neolit Severa Vostochnoi Evropy: (Novye materialy, issledovaniia, problemy neolitizatsii regionov)*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 14–21.
- Bobrinskii A.A., 1989. Tekhnologicheskaia kharakteristika keramiki iz Tell' Sotto i Kiul'tepe [Tell Sotto and Kultepe pottery technology]. N.O. Bader. *Drevneishie zemledel'tsy Severnoi Mesopotamii*, Moscow: Nauka, pp. 327–334.
- Bobrov V.V., Iurakova A.Iu., 2014. Boborykinskii kompleks v neolite Barabinskoi lesostepi [The Neolithic Boborykino culture complex in the Baraba forest-steppe region]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 211–214.
- Bobrov V.V., Marochkin A.G., 2013. Boborykinskii kompleks iz Baraby: Problema istoricheskoi interpretatsii [The Boborykino culture complex in Baraba river basin: A problem of historical interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 3 (23), pp. 211–215.
- Bobrov V.V., Marochkin A.G., Iurakova A.Iu., 2012. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom 2/2 (Severozapadnye raiony Barabinskoi lesostepi) [The Boborykino culture settlement Avtodrom 2/2 (North-West of the

Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья...

- Baraba forest-steppe region)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (18), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 4–13.
- Danilenko V.N., 1969. *Neolit Ukrainy* [The Neolithic of Ukraine], Kiev: Naukova dumka, 238 p.
- Dolukhanov P.M., 1978. Istoki migratsii (modelirovanie demograficheskikh protsessov po arkheologicheskim i ekologicheskim dannym) [The origins of migration (modeling of demographic processes basing on archaeological and environmental data)]. *Problemy arkheologii*, Leningrad: Nauka, pp. 38–43.
- Eliade M., 2009. *Istoriia very i religioznykh idei: Ot kamennogo veka do elevsinskikh misterii* [History of faith and religious ideas: From the Stone Age to the Eleusinian mysteries], Moscow: Akademicheskii Proekt, 622 p.
- Golan A., 1993. *Mif i simbol* [Myth and symbol], Moscow: Russlit, 376 p.
- Kagan M.S., 1996. *Filosofia kul'tury* [Philosophy of culture], St. Petersburg: Petropolis, 415 p.
- Klein L.S., 1999. Migratsiia: Arkheologicheskie priznaki [Migration: Archaeological traits]. *Stratum plus: Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, no. 1, Kishinev: Vysshiaia antropologicheskaiia shkola, pp. 52–71.
- Komarova Ia.M., 2010. Primenenie metoda termostimulirovannoi liuminisentsii (TSL) dlia datirovaniia arkheologicheskoi keramiki [Dating of archaeological ceramics using the method of thermally stimulated luminescence (TSL)]. *VNKS-16: Shestnadsataia Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia studentov-fizikov i molodykh uchennykh, g. Volgograd, 22–29 aprelya 2010 g.: Materialy konferentsii, informatsionnyi biulleten'*, vol. 1, Ekaterinburg; Volgograd: Izdatel'stvo ASF Rossii, pp. 342–343.
- Kosinskaia L.L., 2004. Problemy khronologii zapadnosibirskogo neolita: (K voprosu o roli radiouglerodnogo datirovaniia) [The chronology of the West Siberian Neolithic: (Carbon dating significance revisited)]. *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii: (Khronologiya neolita, osobennosti kul'tur i neolitizatsiia regionov, vzaimodeistviia neoliticheskikh kul'tur v Vostochnoi i Srednei Evrope)*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 301–307.
- Kovaleva V.T., 2011. Problema etnokul'turnoi spetsifiki naseleniia boborykinskoi kul'tury [The problem of ethno-cultural specificity of the Boborykino culture population]. *Voprosy arkheologii Urala*, 26, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 27–39.
- Kovaleva V.T., Shilov S.N., 2002. Proobraz Indry: Ob interpretatsii antropomorfno izobrazheniia na sode [Indra prototype: Interpretation of a vessel anthropomorphic image]. *Voprosy arkheologii Urala*, 24, Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, pp. 119–126.
- Kovaleva V.T., Soldatkin N.V., 2010. «Vysekaiushchii molniiu»: K istokam vediiskogo boga Indry [«The one who strikes lightning»: The origins of the Vedic god Indra]. *IMAGINES MUNDI: Al'manakh issledovaniia vseobshchei istorii XVI–XX vv.*, no. 7, Seriya Intelktual'naia istoriia, 4, Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, pp. 11–18.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 1998. Istoriografiia i diskussionnye problemy boborykinskoi kul'tury [Historiography and debating problems of the Boborykino culture]. *Voprosy arkheologii Urala*, 23, Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, pp. 162–183.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2007. K diskussii o funktsii «utiuzhkov» [Discussion about the role of the «grooved stones»]. *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy nauchnoi konferentsii*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 97–101.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2008. Istoriografiia i obzor osnovnykh pamiatnikov koshkinskoi kul'tury Srednego Zaural'ia [Historiography and an overview of the main monuments of the Coshkino culture in the Middle Urals]. *Voprosy arkheologii Urala*, 25, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 73–113.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2009. Bog grozy — «zelenaiia makushka» [The God of storms — «green top»]. *Ural v zerkale tysiacheletii*, kn. 2, Ekaterinburg: BKI, pp. 5–12.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2010. *Neolit Srednego Zaural'ia: Boborykinskaia kul'tura* [The Neolithic Period of the Middle Urals: Boborykino culture], Ekaterinburg: Uchebnaia kniga, 308 p.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2011. Neoliticheskie «utiuzhki» Evrazii: Problema genezisa i funktsii [Neolithic «grooved stones» of Eurasia: A problem of the genesis and functions]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda*, vol. I, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 153–154.
- Krizhevskaiia L.Ia., 1977. *Rannebronzovoe vremia v luzhnom Zaural'e* [Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals], Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 129 p.
- Kushnareva K.Kh., 1993. *luzhnyi Kavkaz v IX–II tys. do n.e.: (Etapy kul'turnogo i sotsial'nogo i ekonomicheskogo razvitiia)* [South Caucasus in the IX–II millennia BC: (Stages of cultural and socioeconomic evolution)], St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 312 p.
- Merts V.K., 2011. Novye materialy po neolitu Severo-Vostochnogo Kazakhstana [New data about the Neolithic Period in North-Eastern Kazakhstan]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: Itogi, perspektivy: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana*, vol. 1, Almaty: KN MON RK, pp. 178–186.
- Merts V.K., 2014. Boborykinskii kompleks poseleniia Borly (Severo-Vostochnyi Kazakhstan) [The Boborykino culture complex of the settlement Borly (North-Eastern Kazakhstan)]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 297–301.
- Mosin V.S., 2015. Khronologiya i periodizatsiia neolita Zaural'ia: Novye dannye [Chronology and Periodization of the Neolithic Period in the Urals: New data]. *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: Khronologiya, pa-*

leoekologiya, traditsii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tret'akova, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 189–192.

Mosin V.S., 2015. Neolit lesostepnogo Zaural'ia i Priirtysh'ia: Noveishie issledovaniia i periodizatsiia [The Neolithic Period of the forest-steppe Trans-Urals and Irtysh region: The latest researches and periodization]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (62), vol. 6, Kemerovo, pp. 108–113.

Munchaev R.M., 1982. Eneolit Kavkaza [The Aeneolithic Period in Caucasus]. *Arkheologiya SSSR. Eneolit SSSR*, Moscow: Nauka, pp. 93–164.

Pavlenko Iu.V., 2000. *Praslaviane i arii: Drevneishaiia istoriia indoevropskikh plemen* [Pre-Slavs and the Aryans: Ancient history of Indo-European tribes], Kiev: Feniks, 371 p.

Petrova N.Iu., 2012. Tekhnologicheskoe izuchenie keramiki poseleniia khassunskoi kul'tury larymtepe I [The Hassuna culture settlement Yarim Tepe I]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 26–33.

Podolskii M.L., 2007. Fenomen i paradoksy Minusinskoii stepi: (Smena kul'turnykh dominant) [Phenomenon and paradoxes of Minusinsk steppe: (Changes of cultural dominants)]. *Kul'turno-ekologicheskie obshchnosti: Vzaimodeistvie traditsii i kul'turogenez*, St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 113–128.

Sal'nikov K.V., 1962. Iuzhnyi Ural v epokhu neolita i rannei bronzy [The Neolithic and Early Bronze Age in the South Ural]. *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii*, vol. 1, Ufa, pp. 16–57.

Sorokin A.N., 2007. Prirodnye protsessy i ikh rol' v kul'turogeneze [Natural processes and their role in cultural genesis]. *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (IV Khalikovskie chteniia): Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Iurino, 5–10 avgusta 2006 g.)*, Ioshkar-Ola: MarNII, pp. 34–41.

Titov V.S., 1982. K izucheniiu migratsii bronzovogo veka [Studying migration processes in the Bronze Age]. *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta*, Moscow: Nauka, pp. 89–92.

Zakh V.A., 2006a. Neoliticheskie kul'tury lesnogo Tobolo-Ishim'ia: Periodizatsiia i khronologiya [Neolithic cultures of the forest Tobol-Ishim basin: Periodization and chronology]. *II Severnyi arkheologicheskogo kongress: Doklady 24–30 sentiabria 2006 g.*, Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Charoid, pp. 138–162.

Zakh V.A., 2006b. *Khronostratigrafiia neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ia* [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal Age in the forest Tobol-Ishim basin]. Avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk, Novosibirsk, 54 p.